«КРАСИЛА МУЗА ОАЕНЕВА»...

Муза Оленева, посвятившая себя Его Величеству Театру, всё оставшееся время от театральных постановок отдавала живописи и графике. В гастролях и путешествиях по разным городам появлялся обильный материал, который воплощался на холсте, бумаге и даже порой на обоях. В этот временной период формировалась индивидуальная манера художницы, графичность изображения сменялась свободной живописной манерой письма. Сама Муза полагает, что она вернулась к живописности, которая была заложена уже в её дипломной академической работе – эскизам к «Моцарту и Сальери» (1954).

Увлекающийся человек, Муза всегда работает над темой до тех пор, пока эта «тема сама её не отпустит». Бессонные ночи в грёзах о новых сюжетах, и – работа, работа, работа…до состояния физического опустошения, – так рождаются картины Музы.

Многие годы, посвящённые театру, оказали глубокое влияние на весь творческий процесс художницы. Наработанная в постановках спектаклей сосредоточенность на теме, привычка «мыслить актами» породили своеобразную серийность её произведений.

Так на свет появились серии «Цветы», «Память», «Маски», «Куклы» и другие.

ЦВЕТЫ

Цветы всегда увлекали художницу. Когда-то потрачено немало времени на доскональное изучение цветочной «анатомии», чтобы прилежные, почти «школьные» рисунки превратились в изящные акварели по мокрой бумаге, затем – в стилизацию в народном духе и, наконец, в последние годы, – в выполненные маслом живописные «цветы без названия». Теперь для Музы важнее всего стало колористическое единство букета, цельность всей композиции. Для усиления «эффекта свечения» она иногда использует грубый холст и даже добавляет золотую краску в грунт. Почитатели музиного таланта сравнивают эти маленькие букеты с драгоценными камнями.

ХРАНЯЩИЕ ПАМЯТЬ

На первый взгляд, это обычные натюрморты, если бы не было за спиной художницы груза прожитых лет, в котором всё: и блокада, и эвакуация, и трудные послевоенные годы.

Книги для Музы – больше, чем просто тексты. Книги спасали людей, помогая забыть не отпускающее ни на миг чувство голода.

Картошка, чеснок, лук, капуста, зелёные яблоки – за этими незатейливыми натюрмортами видится опухший от водянки солдат, поделившийся луковицей с тремя полумёртвыми беженками из осаждённого Ленинграда.

Зеркало и свеча – хранители образов Прошлого, метафора человеческой памяти, часто встречаются в музиных картинах: «Сумерки» (1994), «Окно в голубой комнате» (2004), «XVIII век» (2004), «Свеча горела на столе…» (2007), «Детские слёзы», «Воспоминания» (2008).

Предметный мир, организованный в единый ансамбль, всегда интересовал Оленеву. Интерьер, который она много лет создавала для театра – часто встречающийся сюжет в её картинах. С любовью изображает художница старые, повидавшие жизнь, вещи. Для неё важна сама история, заключённая в простой керосиновой лампе, окружённой бабочками, в красном самоваре, в потёртом половике, сохнущем над печкой. Её привлекает и изысканная обстановка старинной усадьбы и аскетизм монастырской кельи.

Один из таких интерьеров особенно дорог Музе. На картине «Неоконченный портрет. Блокада».

1988) (илл.) изображены буржуйка, обломки старинной рамы «на растопку», фибровый зелёный чемоданчик «НЗ», ожидающий очередной бомбёжки, и недописанный семейный портрет на мольберте. На этом портрете, который папа маленькой Музы начал писать ещё до войны, были изображены родители и две девочки: Ирина, сидящая за старинным роялем, будущая арфистка, и Муза, будущая художница, рисующая свою сестру. Этот портрет так никогда и не был закончен, и канул бы в Лету, если бы не обрёл вторую жизнь в картине Музы Оленевой.

Это произведение и положило начало большому живописному циклу «Память» (1988–2008).

"Неоконченный портрет. (Блокада)" 1988 Х., темп.

СЕРИЯ «ПАМЯТЬ»

Острое ощущение общего горя дало толчок художнице для создания картины трагического содержания – «Заложники» (1996). Подполье, беременная женщина и сжавшиеся комочком детские фигурки на переднем плане – всё словно повторилось для Музы, в памяти которой никогда не потускнеет ощущение бомбоубежища.

В 1998 она создала не менее трагическую работу «Тревога».

Предчувствие, наверное, всегда связано с тяжёлым жизненным опытом, а люди искусства всегда очень чутки к происходящим событиям в мире. Картина «Предчувствие беды или Чёрные идолы» (2004) появилась ровно за три дня до страшных событий в Беслане…

Телевизионный репортаж о Финляндии, скорбящей по жертвам терроризма в Беслане, когда в каждом окне горела свеча, словно материализовал старый эскиз художницы, созданный ещё в 80-х годах. На его основе и был написан «Реквием» (2004). Этой теме посвящена ещё одна картина – «Горе матери. Беслан» («Пиета»).

СЕРИЯ «МАСКИ»

Боль художника за судьбы человечества проходит красной нитью и через другие живописные серии, «Маски XXI века» (2002-2004) и «Куклы» (2005 – 2006).

Серия «Маски» навеяна отчасти русскими иконописными ликами, пострадавшими от времени и лишёнными окладов, а отчасти масками народов Севера. Для Музы Оленевой маски стали идеальным материалом для выражения человеческих чувств и эмоций с помощью кисти и холста. «Злость», «Крик», «Ужас», «Молчание», «Маска серого человека», «Печаль», «Болезнь», «Страдание», «Жестокость», «Разбитая маска» - названия картин этой серии говорят сами за себя.

Муза часто обращается к теме одиночества. Портреты бомжа с Владимирской площади (2004) и слепца (2007) – безлики. Это застывшие маски, которые уже не могут выражать ни боль, ни радость. Люди без пристанища смотрят на нас, всем своим видом являя укор обыденному благополучию («Странники», 2004). Словно так и не дождавшись душевного отклика, отправляются они в свои бесконечные скитания («Дорога», 2008).

«Дед Макар и баба Марья» (2003) и «Золотые наши старики» (2003) – продолжают размышления художницы об одинокой неприкаянной старости. Суровая жизнь, проведённая в беспрестанных трудах, наложила на пожилых людей неизгладимый отпечаток, сделав их схожими со скульптурами. Но кисть мастера, слегка позолотив их образы, отдаёт дань скромному человеческому подвигу и терпению этих людей.

"Дед Макар и баба Марья" 2003 Х., м. 60Х50

КУКЛЫ

Погружение Музы Оленевой в мир кукол породило серию из 14 работ, в которых всевозможные кукольные мизансцены символизируют реальную жизнь людей. Некоторые персонажи ведут себя вполне беззаботно: они танцуют, распивают чаи и наряжаются («Танцующие куклы», «Красотки», «Маскарад», «Мы – деревенские!», «Чинное чаепитие»). Иной раз может дойти даже до игрушечной драки – всё как по-настоящему.

Однако и здесь окончательную завершённость кукольной серии придаёт всё та же тема одиночества.

Как-то путешествуя по Голландии, Муза увидела старьёвщика, похожего на рембрандтовского персонажа, который торговал старыми куклами. Спустя годы этот запомнившийся образ возник в картине «Отправили на свалку», как печальный финал судьбы старика, так похожей на судьбы его устаревшего товара.

Эта же трагическая нота и в картине «Бедные! Бедные! Бедные!». Здесь изображены отслужившие свой срок куклы – сломанные, голые, никому больше не нужные, а теперь выброшенные за борт жизни.

Впрочем, заключительное произведение серии – «Мы улетаем!» изменило тон художественного повествования. Отправила художница своих кукол в ангельское путешествие на воздушных шарах, и на душе стало легче!

Открытие выставки
"Муза играет в куклы" 2007
Галерея "Арка"

ПЕЙЗАЖИ

Старинная архитектура русских городов, таких как Торжок, Ярославль, Кострома, Углич, Суздаль – всегда была источником вдохновения для Музы Оленевой. Она любуется всем: улочкой у монастыря, воротами, торговыми рядами, куполами церквей, заброшенным сараем и покосившимся забором. «В них больше чувства и содержания, чем в современных домах», – считает художница. Знания, приобретённые на архитектурном факультете института им. И.Е.Репина Академии Художеств пригодились не только для создания макетов театральных декораций. Вот и жанр городского пейзажа удаётся Музе с особенной лёгкостью.

Именно в её русских пейзажах сквозит грусть об утраченных памятниках старины. Напоминанием о нашей истории, которую нужно хранить в каждом её проявлении, стала картина «Не уберёг!»(1995). Здесь Муза создала образ святого, держащего в руке модель храма, а за его спиной, она изобразила этот храм разрушенным.

Что ж, сердечная боль художницы затихает в заграничных путешествиях… Хорошо ухоженная старина, чистота и порядок Австрии, Германии, Болгарии, Голландии, Дании, Швеции, Финляндии, Латвии и Чехии не могут не радовать глаз художницы. Рыбачьи причалы, цветные яхты на каналах, площади, кирхи, маленькие кафе, черепичные крыши, мостики - все её пейзажи как-то по-особенному уютны. Это камерное настроение, так свойственное творчеству Музы Оленевой в целом, столь явно прослеживается именно в пейзажном жанре.

Стремясь к наибольшей образности и условности в изображении натуры, она использует разнообразные живописные и графические приёмы и средства: любит работать мастихином, жировой пастелью, наносит белильный грунт на мокрую бумагу, и поверху работает акварелью. Иной раз Муза смело обводит объекты контуром, чаще красным или синим, что позволяет ей добиться чёткости в передаче светотени, хотя она старательно избегает всякой геометрии в жи-

вописи. Словно вылепляет художница каждый пейзаж из единого ядра, склоняя деревья к домам, и создавая плотную воздушную среду, окутывающее это ядро. (илл. «Яркий день в Несебре» или «Никитский сад»). При этом она любит шутить, что когда-то папа спрашивал её совета, как ему научиться рисовать столь кривые дома…

Сдержанный колорит видов Сенежа (1979) стоит несколько особняком от стилистики остальных произведений Музы, возможно, это определяется редкостью темы зимнего пейзажа в её творчестве. Вид ритмично чередующихся холмов с рыжевато-коричневатыми рощицами и заснеженными кустами притягивает глаз лёгкостью и изяществом исполнения. А возможно, сказалась атмосфера влюблённости, царившая в Сенеже…

Однако темперамент художницы редко позволяет работать в таком ключе. Ей больше по сердцу свободная, насыщенная фактурой живопись. Как и красные платья, которые она любит носить. Возможно, такая особенность её характера и предопределили любовь к Испании…

Эта любовь началась в детстве, когда её семья в эвакуации оказалась в Самарканде. Синее небо, изумительная архитектура с арабскими мотивами, навсегда потрясли маленькую блокадницу. Могла ли она предполагать, что через много лет увидит такое же яркое небо, испанское, и сможет запечатлеть его на картине «Нарядное небо Севильи» (1988)?!

Пустынные средневековые улочки, ступенчатая дорога, башня, монастырь, вечерние тени – обо всём этом мечтала ещё до войны. Воспитанная на романтических балладах, она вместо рисунков, восхвалявших стройки социализма, которые требовали в школе, тайком рисовала декорации к «Дон Жуану». Всю жизнь стремилась художница оказаться в Испании, и когда это случилось, то появился один из лучших её пейзажных циклов – испанский.

Особенно много создала Муза Оленева видов города Толедо, который, как говорят испанцы, имеет запах, цвет и вкус. Удивительным образом эти свои качества сохранил город и на картинах Музы – «Уголок Толедо», «Толедо. В небе ласточки», «По дорогам Толедо» (2004). Изображая испанские города, Муза, романтик, остаётся верной самой себе. Как всегда её больше волнуют не пышные дворцы и церкви, а размытые горячим воздухом очертания старых домов и тихие узкие улочки с редкими прохожими. Именно здесь так особенно питается вдохновением талант художницы, а цветовая гамма так близка излюбленному ею колориту в живописи.

"Толедо" 2004 Х., м. 40Х30

Когда-то Пикассо заметил: «Нужно много времени, чтобы стать молодым» (Жан Кокто. Портреты-воспоминания. М., 1985, с. 100). Конечно, это дано не многим… Но, пройдя вслед за художницей по её жизненному пути, вдруг понимаешь, что это высказывание очень верно характеризует Музу Оленеву. Она прожила такую долгую жизнь, в которой было всё: и счастливое детство, и мрачные блокадные и послевоенные времена, и семья, и путешествия, и неизбежные потери, и всегда - много творчества. И всё это время Художница словно шла к себе, той, настоящей, которая всегда молода душой и совершенно свободна в живописи и в жизни. И лёгкость, с которой Муза Викторовна в 80 лет может задумать и воплотить творческий проект – это верный знак, что будут и новые картины, и новые выставки!

Евгения Логвинова,
историк искусства, член IFA, член АИС. 2008

"Горящие свечи" 1970 Орг., гуашь. 65X50